

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ирина Замотина

Pro-life

Ирина Замотина

Pro-life

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Замотина И.

Pro-life / И. Замотина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что вы сделаете, если вам предложат увеличить продолжительность жизни до ста двадцати лет? Вы моментально согласитесь или возьмёте паузу для раздумий? Изменится ли ваше решение, если цена у долгой жизни окажется слишком высока? Например, гибель будущих поколений. Вы будете жить долго и счастливо, зато ваши правнуки никогда не родятся. Герои книги Pro-life уже попытались найти свои ответы, попробуйте и вы. Содержит нецензурную брань.

© Замотина И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

Александр стоял перед огромным полированным зеркалом и поправлял шёлковый галстук. В голове завязла жвачка из заученной утром речи и десяти магических секретов успешного оратора, вдолблённых на психологических интенсивах.

Он встряхнул головой, избавляясь от навязчивых воспоминаний, в последний раз поправил воротничок рубашки и провёл ладонями по ткани пиджака, разглаживая несуществующие складки. Чуть успокоившись, он вытянулся по стойке смирно и протяжно выдохнул. Забавно, что за последние двадцать лет, проведённые в большой политике, Александр так и не научился равнодушно относиться к публичным выступлениям. Большие аудитории и толпы слушателей по-прежнему вызывали лёгкую нервозность и нестерпимую сухость в горле, от которой не было спасения.

Он взглянул на часы: до выхода оставалось ещё три минуты. На подобные собрания всегда лучше было опаздывать на пять-десять минут, чтобы гости суетливые журналисты успели занять места, вдоволь наговориться и даже начать нетерпеливо постукивать носком ботинка – иначе они не ощущали достаточной солидности собрания и уходили разочарованными. При этой мысли он улыбнулся уголком рта, который тут же спрятался в белоснежном облаке аккуратной бороды.

Александр пристально посмотрел на своё отражение и с удовлетворением отметил, что за последние десять лет ни капли не изменился: тот же высокий рост, подтянутая фигура бывшего гребца и по-прежнему густая, пусть и поседевшая копна волос. Даже глаза, по слухам выцветавшие от применения Теломеразина, в его случае остались такими же зелёными и колкими, как в ранней юности. Только, пожалуй, гладкая кожа, слишком загорелая на фоне белых волос, при этом освещении казалась пергаментной. Но в целом выглядел он гораздо моложе собственного возраста.

Оглядев себя ещё раз и убедившись, что наглаженный костюм сидит идеально, а начищенные носки ботинок ослепительно блестят, Александр направился к массивной позолоченной двери. Он прикрыл глаза, ощущая, как за стеной заиграла торжественно-мёртвая мелодия гимна, и громогласный голос раскатисто объявил:

– Президент Евразийского Союза, Александр Свободин!

Дверь распахнулась, и ослепляющий свет заполнил окружающее пространство.

Глава 2

Маша, вернее, Мэри, как она сама себя называла, сидела перед экраном и раздражённо тёрла глаза. Виртуальная лекция закончилась ещё пять часов назад, но заданный реферат «Борьба Евразийского союза за здоровье нации» всё так же был далёк от завершения. Мэри всегда ненавидела историю, поскольку та ей казалась самой продажной и политизированной из всех наук. Но отказаться от хорошей оценки студентка-бюджетница второго курса Европейской академии просто не могла.

Мэри тяжело вздохнула, встала со стула и направилась на маленькую уютную кухоньку общажной квартирки. Там, заглянув в холодильник, но ничего не обнаружив, она обиженно хлопнула дверцей и нажала на кнопку древней кофеварки. Мэри так и не привыкла к поистине микроскопическому размеру жилища и допотопности мебели. Но аренда другой недвижимости для студентки из далёкой Белгородской провинции была непосильной ношей.

Мэри разворошила короткий ёршик волос и достала кружку, чтобы налить обжигающий напиток. Сегодня ещё нужно было сделать домашнее задание по русскому языку, дававшемуся ей с огромным трудом, а ещё неплохо было бы зайти на сайт их молодёжного объединения, чтобы просмотреть анкеты новых кандидатов. Слишком много дел. Она обречённо опустила плечи. Надоело...

Мэри подождала, пока последняя капелька кофе упала в кружку, обхватила её ладонями и подошла к окну, из которого благодаря шестидесятому этажу открывался прекрасный вид на три главные транспортные артерии города: полупрозрачные голубоватые ленты энергетических полей, образующих проезжую часть. Пять этажей, по каждому из которых бежали определённые типы транспорта, оплетали весь город, позволяя быстро перемещаться из одной части в другую.

Огромные сталагмиты небоскрёбов протянули костлявые копыта громоотводов и антенн до самого горизонта. Тяжёлое вечернее небо медленно опускалось на город, то и дело озаряясь яркими вспышками загорающихся в небе рекламных надписей и постеров. Окна не пропускали звуки улиц, но Мэри знала, что Москва наполнена привычным столичным шумом. Власти страны не жалели денег на благоустройство города, хотя в основном эти средства уходили на новые торговые и развлекательные комплексы. Мэри прижалась лбом к стеклу, наслаждаясь пластиковой прохладой и втягивая манящий аромат лаванды, распространяемый кубиком фиолетового освежителя воздуха.

«Забавно, ведь я никогда не нюхала настоящую лаванду... – Пронеслось у неё в голове. – Она отличается от искусственной или нет? Надо сходить в Ботанический сад».

Город тем временем приоткрыл хищные глаза окон, вместо занавесок заклеенных синеватой матовой плёнкой, пропускавшей только слабое свечение. Она позволяла обитателю квартиры или офиса одновременно прекрасно видеть внешнее пространство и при этом оставаться невидимым самому. Мэри представилось, что у каждого из многотысячных окон сейчас так же стоит человек или даже целая семья и смотрит вперёд в надежде увидеть кого-нибудь в темноте...

Неожиданно включилось уличное освещение, окрасившее столицу в холодный голубой – город превратился в операционную. Мимо окна пронеслась ярко-красная карета скорой помощи. В столице городские службы перешли на воздушный транспорт, что позволяло добираться до места происшествия в считанные минуты.

Мэри сделала большой глоток кофе и, медленно развернувшись, отправилась к рабочему месту. Она осторожно опустилась в скрипучее кресло и открыла ноутбук – пожалуй, единственную ретровещь, которую она по-настоящему любила. Ей нравилось равномерное пощёлкивание почти стёртых клавиш и блеклость монитора. Сидя за этим раритетным агрегатом,

Мэри представляла себя писателем или успешным журналистом прошлого, свободно выливающим потоки мыслей на единомышленников в огромном море блогосферы. Временами она даже сомневалась, что были времена, когда любой мог написать на своей странице или в комментариях критическое замечание и оскорбление. Неслыханное, отчаянное нахальство. Но тогда ещё не было Министерства массовых коммуникаций, которое ежедневно прочёсывало йоттабайты информации в поисках правонарушителей.

Современные компьютеры не шли ни в какое сравнение с её ветераном. Они выглядели как узкая гибкая полоска, которая прикреплялась к любой горизонтальной поверхности и тут же создавала виртуальную модель полноценной клавиатуры и большого монитора, остававшегося чёрным экраном для всех, кроме пользователя и его «ближнего круга».

Мэри открыла файл с рефератом и попыталась сконцентрироваться. Не получилось. Она несколько раз ударила ладонью по лбу в надежде хоть как-то простимулировать мыслительный процесс и погрузилась в чтение.

«Итак. Предпосылки формирования Евразийского союза. Первоначально концепция Евразийского союза представляла собой идею политического объединения бывших советских республик, в центре которого в 2010-х стояли Россия, Белоруссия и Казахстан. Предложение витало в воздухе долгое время, поддерживаемое и отвергаемое в разные периоды всеми участниками коалиционного процесса. В 2020-х данный процесс ускорился, благодаря всё усиливавшимся противостоянию с Америкой и Евросоюзом...»

Мэри почесала подбородок и продолжила:

«12 августа 2020 года Россия, Белоруссия и Казахстан подписали декларацию о создании Союза с единой валютой и системой управления. В следующие два года к объединению примкнули Грузия, Армения, Узбекистан и Таджикистан. В 2029 о своём желании присоединиться заявил ряд стран Латинской Америки.

Одновременно с этим происходит другой интеграционный процесс: представители Евросоюза, фактически утратившие автономию в результате инертной проамериканской политики, так и не смогли оторваться от союзника и подписали новый вариант устава НАТО, представлявший собой сдачу всех полномочий Вашингтону. В ответ Америка сделала «глобальный поворот на восток», заключив ряд союзных соглашений с государствами Ближнего Востока и Африки.

Противостояние, усиленное рядом социальных и экономических проблем, нарастало. Особую роль в борьбе двух лагерей сыграла победа на выборах в Государственную Думу России партии «Русь» во главе с Фёдором Гулиным. Центристская и даже правая программа партии и нового президента предполагала возрождение традиционных и семейных ценностей, усиление роли церкви в государственном управлении, укрепление армии и развитие внутреннего рынка сбыта.

10 июня 2032 года в Екатеринбурге была подписана декларация о создании нового единого государства – Евразийского союза, объединившего бывшие Россию, Белоруссию, Казахстан и Монголию. Вслед за этим страны НАТО закрепили союз, образовав «Объединение мира» – коалицию государств во главе с Вашингтоном. Начался очередной виток Холодной войны.

В 2035 году учёный из США Джон Левкович создал препарат Теломеразин – первое лекарство от старости. Доклинические исследования показали, что препарат увеличивает продолжительность жизни мышей и кроликов в три раза. В рамках клинических испытаний шимпанзе, принимавшие лекарство, прожили в два с половиной раза дольше, чем контрольная группа. Авторы сыворотки спрогнозировали увеличение средней продолжительности жизни человека до ста пятидесяти лет. Статья, опубликованная в «Нэйче», произвела эффект разорвавшейся бомбы. За первую неделю фармкомпания «Фармитекс» получила более пятидесяти миллионов предзаказов на приобретение препарата. Это вызвало масштабные выступления религиозных и традиционалистских организаций.

Несмотря на объективную невозможность провести исследования в нескольких поколениях и подтвердить безопасность препарата, он сразу был запущен в производство в странах Объединения мира. Объём продаж Теломеразина рос с каждым месяцем. Сотни тысяч людей приобретали препарат, игнорируя значительные ограничения – высокую рыночную стоимость, обязательный отказ от претензий в случае возникновения побочных эффектов и главное – возрастной лимит. Теломеразин оказывает положительное воздействие на продолжительность жизни только при регулярном применении (каждые пять лет), при этом первый приём должен произойти до пубертатного периода, то есть до наступления десяти-одинадцати лет.

Однако в 2045 году группа евразийских учёных во главе с Арсением Ивановым опубликовала доклад, в котором делалось предположение о наличии у Теломеразина существенного побочного эффекта – снижения фертильности и способности к зачатию у людей, принимавших препарат и их потомков. Согласно прогнозам учёных, в третьем-четвёртом поколении у принимавших препарат наступает тотальное бесплодие. Полностью опровергнуть или доказать эту гипотезу смогут только результаты Гарвадского эксперимента на человекоподобных обезьянах. В 2062 году третье поколение обезьян должно дать потомство. Научный мир замер в ожидании результатов судьбоносного эксперимента.

В настоящий момент идёт активная полемика о вреде и пользе препарата. В ряде государств, в том числе Евразийском союзе, ввоз и приём препарата по-прежнему запрещён. Однако уже не первый год различные организации, министерства и врачи выступают с инициативой снять данное ограничение. Вопрос о разрешении препарата остаётся одним из ключевых в повестке дня действующего правительства во главе с президентом Александром Свободным и премьер-министром Виктором Прагминым. Демократическая партия «Свобода», лидерами которой они являются, пришла к власти в 2049 году в результате «Мягкой революции» и в данный момент составляет большинство в Государственной Думе.

Несмотря на очевидные достижения в развитии страны, рост производства, улучшения в экономической и социальной сферах, которые отмечают даже противники действующей власти, «Свободу» часто критикует за инертную традиционалистскую политику, оставшуюся в наследство после предыдущей власти. Так, запрет на Теломеразин наравне с цензурой в СМИ и преступлениями против прав человека неоднократно вызывали острую критику американского правительства...»

– Мда... – мрачно констатировала Мэри. – Без полстакана не разберёшься.

Новая программа высшего образования вызывала сомнения в адекватности её авторов. Учебники, в особенности гуманитарные, не оставляли надежды на возникновение у читателя хоть какой-нибудь разумной мысли или, не дай бог, логического вывода, и были похожи на вольный пересказ чужой статьи с произвольной расстановкой акцентов. Мэри скрепя сердце скомпоновала реферат из нескольких учебников и теперь торговалась с совестью, стоит ли его сдать таким или всё же написать собственное мнение.

Вдруг в голове зазвучала любимая песня молодого корейского бойз-бенда – мелодия звонка её интрокома (портативного смартфона, изготовленного в форме изящной пары серёжек). Мэри вздрогнула от неожиданности и аккуратно нажала на кнопку сзади. Перед глазами тут же возник небольшой экран, а вокруг головы невидимая сфера, мешавшая распространению звука. Странно, но в этот раз на экране вместо изображения собеседника красовался только ярко-красный кукиш.

– Да? – чуть настороженно произнесла Мэри.

– Здравствуй.

– Кто это?

– Не задавай вопросы! – глухо прошептал неизвестный. – Ты нас не знаешь, но мы твои друзья. Ты хорошо себя показала на последнем марше протеста. Мы бы хотели увидеть тебя в наших рядах. Мы должны быть вместе. Правительство хочет нас уничтожить.

– Но...

– Молчи! Будь завтра в полдень в Окопе. Мы тебя найдём!

Раздался грохот, как будто на том конце что-то упало, и связь прервалась. Мэри ошарашенно огляделась по сторонам и на всякий случай проверила, нет ли в квартире посторонних.

Глава 3

Александр уже третий час сидел неподвижно. Правая нога мучительно зудела, и ужасно чесалось плечо, но он продолжал терпеть, внимательно сосредоточившись на докладе министра финансов. Президент не часто встречался с кабинетом министров, поскольку эта процедура, всегда казавшаяся тошнотворной формальностью, за два года до очередных парламентских выборов превращалась в смотр народной самодеятельности в районном Доме культуры. Событие широко освещалось по телевидению и в интернете, соответственно каждый старался продемонстрировать максимум убедительности, красноречия и умения обыгрывать подчас противоречивые факты.

Александр прекрасно знал, кто, где и в чём конкретно врёт, искажает данные или недоговаривает, благо, отчёты о состоянии той или иной отрасли хозяйства исправно каждое утро ложились ему на стол в аккуратных красных папочках. Министры об этом знали, но нужно было доигрывать фарс до конца. Государственная власть по большей части состояла не из принятия решений, выполнения планов и уж тем более не из коррупции, получения взяток и строительства вилл с вертолётными площадками, а из банального лицемерия. В самой сути своей она заключалась в многочасовом сидении с серьёзной миной и понимающим взглядом, в бесчисленных одобрительных кивках, когда очередной подчинённый, краснея, задыхался то ли от тугого галстука, то ли от страха, в незаданных вопросах и не уточнённых данных, а главное: в вечном молчании, которое приходится хранить, когда хочется заорать.

– Состояние национальной валюты в текущем финансовом году... – монотонно бубнил министр финансов, Максим Светлофф, короткий лысоватый, но очень мозговитый человечек. Он проделал большой путь от рядового бухгалтера на провинциальном консервном заводе до министра финансов. Безумно этим гордился и до такой степени дорожил своими мозгами, что добровольно отказывался от приёма каких-либо медикаментов из-за возможного побочного эффекта на когнитивную деятельность. От этого он всегда был простужен и противно гнусавил.

Президент оглядел левую сторону стола. Все те же до боли знакомые лица – заклятые недруги, преданные соперники, самые сливки политического террариума. Рядом с ним сидел министр обороны – подтянутый, бравый спортсмен с прекрасным именем Юлиан Бергер и улыбкой на миллион долларов. Он был неизбежным злом и вынужденной платой Александра за поддержку на выборах. Его пурпурная рубашка выгодно, как всегда, оттеняла многослойный загар и каштановые волосы, благодаря которым казалось, что и в кабинет министров он приходит только ради очередного селфи.

Справа от него – министр иностранных дел – высокий сухопарый джентльмен, похожий на знак вопроса, прозванный за глаза Веней за старомодную привычку носить очки и выставлять вперёд длинный палец во время спора, и министр образования Анджела Матвеева – красивая белокурая женщина, потратившая не один год и не одно состояние, чтобы стать похожей на американскую киноактрису прошлого века. Чуть в сторону расположились накаченный и красивый министр здравоохранения Иван Суслов и похожий, как две капли воды, на него министр спорта Майкл Бренсон.

Министр культуры Сергей Сверкин – единственный открытый гей в правительстве, сидел поодаль и деловито копался в бумагах. Кажется, он затеял новый проект и хотел предложить его кабинету министров. Инициативный и чересчур активный, он вызывал раздражение и насмешки, хотя искренне хотел сделать что-то полезное.

Но была на этом празднике бессмыслия и одна занимательная личность – Виктор Прагмин, председатель правительства. Худой жилистый мужчина, потерявший уже добрую половину волос, замер в самом конце стола прямо напротив Александра, сосредоточенно уставившись в пустоту. Холодные серые глаза чуть прищурены, лоб напряжён, а пальцы левой руки

едва заметно перебирают что-то невидимое. Александр давно заметил эту странную особенность. Казалось, министр перебирает страницы известной одному ему книги.

С Виктором они были знакомы более пятнадцати лет. Президент отлично помнил их первую встречу. Молодой и амбициозный студент ворвался на заседание их партии с целой кипой предложений и замечаний к политической программе. Поднялся шум. Секретарь пытался выставить непрошенного гостя. Но Александр, уже успевший завоевать непререкаемый авторитет, попросил гостя остаться. С тех пор он неоднократно спрашивал у себя, что им тогда двигало кроме необъяснимого чувства дежавю. Он уже видел этот упрямый взгляд, дерзость и глубокую морщину на лбу, причём видел их каждое утро.

С тех пор их отношения прошли через все стадии и не по одному кругу. Через баррикады революции они вдвоём вошли в Кремль, пережили два с половиной президентских срока и смогли вывести государство из затяжного кризиса, в который его втянула предыдущая власть. Они прекрасно изучили свои плюсы и минусы, стали идеальной командой, научились вместе работать и ненавидеть друг друга той самой истинной и глубинной ненавистью, которая скрепила не один брак и позволила тысячам пар отпраздновать вместе золотую и бриллиантовую свадьбу.

Виктор вдруг отошёл от забытья, поймал взгляд президента и, ухмыльнувшись, подмигнул. Александр дежурно улыбнулся в ответ. Затем показал на часы и жестом спросил: «Ты после уходишь? Нам с тобой поговорить надо». Председатель правительства кивнул и одними губами ответил: «Вечером позвоню?». Президент утвердительно кивнул.

«Надо попросить секретаря освободить время вечером».

Задумавшись, Александр даже не заметил, как со своего места встал министр внутренних дел – служака средних лет с лёгкой сединой и настырным прямым взглядом. Звали его Михаил Земцов и, пожалуй, он был единственным человеком, которому во всей этой компании можно было доверять. Михаил поднялся, осторожно повёл травмированным плечом и заговорил:

– Господин президент, министры... – Он кивнул. – Наше министерство в этом году выполнило все поставленные цели и задачи...

Но Александр напрягся, было что-то тревожное и мрачное в позе и движениях мастодонта, пережившего не один водоворот политических интриг и препятствий. Президент наклонился вперёд и внимательно слушал доклад старого приятеля. Вроде бы ничего странного: будничные тон, уверенная поза и чёткая артикуляция, но что-то было не так. Кажется, в ближайшем будущем их ожидали перемены, и, скорее всего, не самые приятные.

Александр с досадой вспомнил, что не прочитал сегодня утром доклады особого отдела, как следовало бы, поскольку в последнее время в стране явно сдвигались тектонические плиты, приводившие всех и вся в движение. Это чувствовалось во всём: в том, как утром пожилая гувернантка приносила ему крепкий кофе с овсянкой, и даже в том, как пресс-секретарь отчитывалась о заголовках мировой прессы. В воздухе витал свежий запах грядущих изменений.

Он в нетерпении дослушал остаток докладов, то и дело осторожно ёрзая в кресле – беспрецедентное поведение по меркам президента – и, дождавшись, пока толстый и безмерно унылый министр транспорта не замер, усыплённый собственным голосом, бодро вскочил на ноги и, слегка склонил голову в знак вежливости, произнёс:

– Спасибо огромное, господа, за проделанную работу! Мы хорошо постарались и будем надеяться, что в дальнейшем наши успехи окажутся столь же значительными. Я встречу с каждым из вас отдельно для более детального разбора результатов. Ещё раз спасибо!

Он поаплодировал, улыбаясь, одновременно пристально глядя на Михаила. Тот понял намёк и замедлил сборы, сосредоточенно уткнувшись в экран интрокома, изготовленного по специальному заказу.

Когда последние министры, расшаркавшись, удалились из помещения, Александр, чуть помедлив, опустил на стол рядом с другом и спросил:

– Миша, что случилось?

Собеседник откинулся в кресле, что-то обдумывая и пожёвывая губы. Помедлив, он заговорил:

– Да что-то всё к одному. Доклады читал? – Министр выжидательно посмотрел на собеседника. Президент медленно покачал головой, готовясь к плохим новостям.

– Времени не было. Не успел. Что там?

– Англосаксы опять удвоили бюджет лошарикам. Я не знаю, что с этим делать. У нас нет возможности их перекупать. Я разговаривал с Додей. Но у них и так уже работает пара сотен дятлов. Больше они уже не потянут, а делать что-то надо. Нам стуканули, что столичные лошарики готовят провокацию. Опять какая-то херня. Ведь даже нет ничего нового, пользуются теми же технологиями, уроды!

– Может, потому что мы так и не научились им противостоять? – меланхолично заметил глава государства.

При всей выдержке и обычной собранности сейчас министр выглядел нервным и потерянным. Александр удивился, что друг изменил привычной вежливости и перешёл на пренебрежительный жаргон, который обычно не использовал. Мало кто в правительстве называл объединение оппозиционных организаций «лошариками», стараясь сохранить хотя бы видимость признания и уважения. Постоянно этот термин использовал только сам Додик – министр массовых коммуникаций и связей, теневая фигура правительства, прозванная журналистами и различными аналитиками «главным архитектором». В подчинении Додика работали несколько сотен высококлассных IT-специалистов, средства контроля и слежения за всеми интроками, социальными сетями, переговорами и любой информацией, которая ежедневно писалась, отправлялась и передавалась по многокилометровым кабелям и невидимой сетке беспроводной связи. Кроме того, в его распоряжении была парочка специальных отделов, вызывавших особый страх и трепет в душах посвящённых. По сути, именно за его скромными невзрачными стенами скрывались основные центры контрразведки, разведки, а также секретные данные.

Сам Додик – засохший во времени интеллект, он же Дмитрий Эдуардович Васерман, занимавший разнообразные посты в министерстве уже около тридцати пяти лет и прошедший путь от самого низа к безграничному влиянию, был своеобразным «смотрящим» верхушки государства. Нет, он не обладал какой-то конкретной властью, всегда с особым почтением выполнял любые указания и приказы, да и его министерство работало как часы, всегда точно и в срок предоставляя любые необходимые сведения. Вот только занять в стране какой-либо пост выше мэра провинциального города кандидату, который не устраивал лично Додика, было невозможно. Сам Александр прекрасно знал всю мощь министра, что позволяло ему находиться с ним в партнёрских отношениях и никогда не пересекаться в сферах влияния.

Министерство массовых коммуникаций исправно работало, чтобы создавать благоприятный образ государства как среди его граждан, так и за рубежом. Однако аналогичные иностранные службы последнее время работали значительно эффективнее. Это объяснялось, с одной стороны, большими финансовыми вливаниями и значительным опытом применения этих технологий, а с другой – традиционным пренебрежением восточных культур к технологиям массового влияния. Александр часто размышлял, почему на протяжении истории Россия, а затем и Евразийский союз неизменно проигрывают так называемую идеологическую войну. Возможно, дело в том, что её правители уделяли этой сфере преступно мало внимания, считая её глупыми заморочками журналистов и интернет-задротов, а возможно в том, что культурная, технологическая и научная экспансия имеет гораздо большее значение, чем принято считать.

Самого Александра часто упрекали в американофобии и ненависти ко всему западному. Хотя мало найдётся восточных управленцев, бывших и настоящих, которые были избавлены от этого недуга. По его мнению, они делились на два типа: ярых ненавистников и столь же

ярких завистников, которые в искреннем презрении к собственному народу были готовы прикнудить к любому, разделившему эту ненависть. Он не относил себя ни к одному, ни к другому лагерю, считая, что средний житель его страны заслужил возможность купить отечественный автомобиль или посмотреть фильм на родном языке, даже если он этим правом никогда не воспользуется.

– Это не в моей юрисдикции... – раздражённо отозвался министр. Он развалился в кресле и медленно расстегнул мундир. Его нервная усталость булькала где-то в груди, рискуя каждую секунду вырваться наружу, вылившись волной ненависти.

– Знаю... – Александр прикрыл глаза, воскрешая в голове образ Додика. – Я без претензий. Я поговорю с ним. Не беспокойся. Есть шансы узнать, что замышляют лошарики? Опять молодёжи хочется вершить революцию?

– Ага, – кивнул Михаил, вытягивая ноги. – Как там было? «У того, кто в шестнадцать лет не был радикалом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы»? Какие-то у нас все больно сердечные...

– Ну, а что ты хотел? Чтобы все было легко и просто? Это наши избиратели, и мы обязаны их любить и уважать, насколько отвратительными они бы ни были. – Саркастично искажил собственный лозунг Александр.

– Знаешь? – уже меланхолично заметил министр. – Иногда политика напоминает мне многолетний брак с еврейкой.

– Почему с еврейкой?

– Чем больше живёшь с ней – тем больше должен...

– Не смешно... – отмахнулся Александр.

– Знаю, зато правда. Обоюдные претензии растут, ненависть тоже, а дети, ради которых всё и затевалось, ничего, кроме разочарования, не приносят.

– Друг, ты становишься брюзгой... – усмехнулся президент. – Ещё немного и пора будет на пенсию.

Министр тяжело вздохнул и закрыл ладонью глаза.

– Я на тебя посмотрю. Я пока не могу сказать тебе что-то более конкретное, но мы обязательно выясним всё и подготовим отчёт. Нужно будет реагировать быстро и жёстко. Иначе хана. И поговори ещё раз с Додиком. Он подробнее все расскажет про их операцию. Но ходят слухи, что они в ближайшее время введут программу «Джуниор».

– Таки да?! Они даже на это деньги нашли?!

Михаил подавленно кивнул.

Вдруг интроком завибрировал. Александр посмотрел на экран:

– Мне пора, прости. Позже поговорим.

– Хорошо. Я постараюсь всё выяснить... – Министр поднялся и, махнув на прощание рукой, выскользнул в коридор.

Александр посидел ещё несколько секунд, избавляясь от неприятных мыслей, которые могли помешать предстоящему мероприятию. Отправив содержание разговора и вызванные им эмоции в хранилище у себя в голове, он улыбнулся, и с довольным видом вызвал водителя.

Глава 4

Максим достал любимую приставку и осторожно воткнул провод в старенькую панель телевизора. У него было всего две игры для этой приставки, да и те он прошёл уже несколько раз. Несмотря на мамин запрет, он частенько шлёлся по помойкам в надежде найти выброшенную карточку с игрой – приставку он добыл именно так и теперь постоянно восстанавливал. Бабушка даже считала даром его умение разбираться и ковыряться в технике. Удивительно. Там же всё было так просто... Просто бабушка плохо видела, поэтому она не понимала, как там все устроено.

Экран медленно загорелся, и перед мальчиком возникло изображение старинного европейского городка, по которому ему предстояло путешествовать вместе с главным героем. Максим никогда не был за границей, но был уверен, что там очень красиво и люди носят только старинную одежду. Вообще последнее время были очень популярны ремейки старых фильмов и игр. Максиму, которому удалось реанимировать древний бабушкин компьютер, позволявший смотреть оригиналы, это казалось странным. Ведь старые версии были самыми настоящими.

Он часто представлял себя героем того или иного фильма или игры, воображал, что однажды из щуплого бледного мальчишки превратится в спецagenta или командира космического корабля. Мальчик рисовал будущие приключения на старых обоях и с гордостью показывал их бабушке – пожалуй, единственному близкому человеку. Других детей в их районе почти не было. Максим не понимал этот феномен, но бабушка говорила, что это из-за бедности. Никто не хотел иметь дело с большим количеством проблем. Кроме того, в народе витала надежда, что вскоре Теломеразин разрешат и его можно будет принимать в любом возрасте. При этом многие женщины были убеждены, что он поможет только бездетным. Станный предрассудок, но он, усиленный интернет-форумами и слухами, захватывал всё больше умов.

Мальчик осознавал свою уникальность, но смириться с ней было тяжело. Ведь большинство взрослых: соседей, прохожих – смотрели на него как-то свысока, а на его родителей, если они были рядом, с презрением. К счастью, из-за врождённой патологии органов слуха – отсутствия слуховых проходов и сильнейшей деформации ушных раковин – Максим почти не слышал их комментарии. Достаточно было снять слуховой аппарат или выкрутить громкость. Нехватку двух пальцев на левой руке и хромоту скрыть было сложнее.

В их доме жило около пятидесяти человек. Все они обитали в крохотных квартирках с блочными стенами, втиснутых между толстыми плитами бывших древних девятиэтажек. Говорили, что это жильё было построено почти век назад и уже давно находилось в аварийном состоянии. Здесь не было современных окон или систем безопасности – только сырость и бетон. Большинство квартир стояло пустыми. Часть жильцов каждые полгода переселялась из одной квартиры в другую, оставляя после себя груды мусора и вездесущую вонь.

Жильё было почти бесплатным, хоть и мало пригодным для полноценного существования. Такие дома заполнялись провинциалами, приехавшими в поисках лучшей жизни поближе к столице. Порой Максиму даже казалось, что в их дом ссылают за провинности, поэтому все друг друга не любят. Отец, вечно уставший, злой и поздно приходивший с работы, часто напибался и жаловался на то, что «эти уроды у него уже в печёнках сидят и он больше не может видеть все их свинячьи рыла». Максим с трудом себе представлял, как выглядит свинячье рыло, но догадывался, что как-то неприятно.

Мама Максима Рита тоже чаще всего была занята. Её русые волосы совсем потускнели, и она часто плакала, стоя на кухне спиной к мальчику и что-то постоянно нарезая. Пожалуй, первая его ассоциация с мамой, – это её вздрагивающая спина с огромным шрамом словно от ожога. Она сутками работала сиделкой у одного пожилого господина, который «никак не хотел

умирать, но при этом, старый хрыч, напрочь отказывался принимать лекарства». Мальчик плохо понимал, что такое старость, но благодаря рекламе твёрдо усвоил, что её надо бояться.

«И почему старость – это самый страшный недуг? – Порой размышлял он, гуляя по улицам города. – Вот бабушка, к примеру, болеет целым списком заболеваний: и аритмия, и подагра и даже загадочная глаукома, и она часто себя плохо чувствует. Но старостью же она не болеет? Кстати, интересно, как выглядит эта глаукома? Наверное, она похожа на насекомое. Как на картинке в энциклопедии».

Максим не понимал, почему часто от мыслей о бабушке ему становилось грустно. Она была очень-очень хорошая. Она научила его читать и писать, при этом она часто читала на память рифмованные строчки каких-то поэтов. Максим не понимал большую часть, поскольку в них использовалось много старых слов, но ему очень нравился ритм. Было в них что-то музыкально-напевное, слова складывались в единую тонкую мелодию, кружившуюся в воздухе и рисовавшую невиданные узоры и цветы.

Вдруг из соседней комнаты раздался слабый кашель, а затем едва различимый бабушкин голос позвал:

– Максим, солнышко, подойди, пожалуйста...

Максим резко вскочил и, нажав на паузу, заковылял на зов. Бабушка полулежала в большем кресле рядом с яркой лампой в форме солнца. Её комната была маленькой, почти крошечной. А стены были увешаны плетёнными ручными коврами и ковриками – их бабушка уже много лет продавала в дорогой магазин, где их заворачивали в красивую обёртку и перепродавали за гораздо большую цену. Но потом стиль «натурэль» с обилием жжёного дерева и ткани вышел из моды, уступив место пластику и металлу – бабушкины ковры стали никому не нужны, но она, повинувшись старой привычке, не переставала их плести.

Мальчик медленно подошёл к старушке и присел на колени рядом с креслом. Она выглядела уставшей и измученной. Привычные морщины казались более глубокими и острыми, уголки губ опустились, а руки неподвижно лежали на животе. Максим аккуратно взял её руку. От неё пахло пылью и чем-то пряным.

– Сынок, сходи, пожалуйста, за лекарством к Джо, – тихо прошептала она. – Деньги там! – Бабушка неопределённо кивнула в сторону невысокого шкафа.

Максим невольно поджал губы. Он знал, что без лекарства – светло-голубой пробирки – бабушке станет только хуже. Она время от времени просила его об этой услуге. Всего-то нужно было выйти на улицу, пройти три квартала, проследив, что за тобой никто не идёт, подняться на верхний этаж и войти в душную вонючую комнату... Но делать это было неприятно. Каким-то шестым чувством мальчик догадывался, что, если родители узнают об этой услуге, они совсем не обрадуются, да и полицейские, как-то заметив его выходящим из дома, подозрительно покосились. Но бабушка каждый раз оживала после приёма лекарства, так что, наверное, всё было только к лучшему.

– Да, ба, конечно. Я принесу! – нарочито бодрым голосом отозвался Максим и вытер нос клетчатой манжетой старой отцовской рубашки. – Ты только подожди немного, а я приду и чаю тебе ещё сделаю! – Он улыбнулся, стараясь казаться весёлым. Быстро направился к шкафу, приподнялся на цыпочки и достал тонкий пластиковый браслет с чипом, куда начислялись социальные выплаты. Покопавшись ещё немного, он нашёл прочную ленту, продел её в браслет и, обвязав вокруг шеи, убрал под майку.

– Ба, я мигом!

Перед тем, как выйти, Максим выглянул в глазок, и, убедившись, что там нет ничего подозрительного, прислонил большой палец к считывателю. Замок с писком открылся, мальчик шмыгнул в щель и тут же закрыл, прижав её спиной. По богатому опыту проживания в этом доме, названном Северной Лагуной, он хорошо знал, что лучше не зевать на входе и выходе из квартиры, поскольку коридоры были узкими, тёмными и опасными.

Сам дом напоминал сеть разветвлённых коридоров с бесчисленным множеством дверей. За каждой – крошечная квартирка для одной-двух семей. Квартиры располагались впритык, и были столь причудливо расположены относительно друг друга, что широко распахнутая дверь одной квартиры, мешала попасть в другую. Семья Максима жила под самым чердаком, так что, оглядевшись по сторонам, он быстро захромал вглубь коридора к крутой лестнице. Это расстояние он всегда старался преодолеть как можно быстрее.

Влажный спёртый воздух, казалось, совершенно не двигался, обволакивая мягким грязным покрывалом. Шаги отдавались глухим эхо, а вокруг тусклой лампы кружились насекомые, отбрасывая гигантские тени на стены. Когда Максим пошёл вниз по ступенькам, сердце застучало громче. Он точно знал, что за ним никто не идёт, но оглядываться по какой-то причине не хотелось. С каждым пролётом лестницы мир наполнялся звуками и красками. Стены здесь были щедро украшены разноцветными граффити, на третьем этаже гулял кот с оторванным ухом.

Чуть запыхавшись, Максим преодолел последний пролёт и оказался на улице. Ему нравилось гулять по городу. Мальчик частенько слышал, что взрослые жаловались на огромное количество людей в городе и «что шагу ступить негде – везде толпы», но его это только радовало. За ними было так интересно наблюдать, а ещё интереснее, ускорившись, лавировать между всеми этими чересчур серьёзными взрослыми: высокомерными женщинами, дефилирующими от одного магазина к другому, напыщенными бизнесменами и финансистами, поджарыми полицейскими с автоматами и рабочими в ярко-оранжевой униформе. Мальчику нравилось жить вместе с городом, дышать его воздухом, пахнущим чистящими средствами и кофе, и чувствовать его ритм.

Максим пристроился за двумя молодыми мужчинами с широкими плечами и пошёл вслед за ними, невольно подслушав их диалог:

– Как у Славы-то дела? – спросил первый, одетый в красивый костюм с металлическим отливом.

– Нормально, – отозвался второй в больших очках с массивной оправой. Такие обычно носили дизайнеры или программисты, которым не хватало портативных интрокомов для работы в сети. – Его в проект пригласили, создание новой виртуальной реальности.

– Вау! – У первого даже рот вытянулся от удивления. – Как он так умудрился? С кем переспал?

Второй улыбнулся и ударил собеседника по плечу.

– Да ни с кем вроде... Просто в струю попал. Плюс он работал много и давно хотел свалить...

– Да, повезло парню...

При этих словах они дошли до перекрёстка и свернули, а Максим отправился прямо, пристроившись за пожилой дамой. До нужного дома оставалось совсем чуть-чуть: пройти через площадь, затем мимо красивого дома и зайти в первый подъезд.

Но его внимание тут же привлёк шум толпы. Люди что-то кричали, махали руками, а на больших светящихся досках у них было что-то написано. Мальчик удивился. На этой площади, насколько он знал, располагался Городской совет, и обычно здесь было чище и спокойнее, чем везде. Но сейчас маленький пятачок мостовой перед старинным низеньким особняком был полностью заполнен молодыми людьми. Они громко кричали и размахивали разноцветными плакатами. Приглядевшись, Максим смог прочитать содержание надписей: «Толстосумы – убийцы!», «Жизнь дороже денег!», «Свободин, перестань убивать свой народ!».

Худой парень с серыми волосами повесил на ухо небольшую гарнитуру, и его громогласный фальцет заполнил всю площадь:

– Мы требуем, чтобы правительство немедленно прекратило убивать собственных граждан!

Толпа заулюлюкала, поддерживая оратора. Максим, привлечённый необычностью ситуации, вышел из людского потока, и застыл около мусороперерабатывающего контейнера. Оратор продолжал:

– Каждый житель планеты должен знать правду! Свободин лишает нас права на жизнь!

На последних словах толпа буквально взревела, бросая в здание городского совета камни, оставлявшие на серых стенах царапины. Кто-то даже швырнул бутылку, разлетевшуюся на сотни маленьких блестящих осколков, которые упали на толпу. Но несмотря на шум и крики, прохожие не обращали внимания на протестующих, лишь слегка изменяя траекторию движения, чтобы обойти происходящее стороной. Все сохраняли спокойствие и даже равнодушие.

Максим оторопел. Он сталкивался с таким впервые, и с замиранием сердца следил за протестом: тщедушными студентами, повязавшими на половину лица или руку чёрные повязки с ярко-алыми кукишами, девушками в спортивной одежде. Мальчик не понимал, почему, но сейчас они были объединены единым порывом ненависти и агрессии. Волна ярости долетала даже до него, державшегося в отдалении. Было страшно, но уйти не получалось – слишком интересно. Вдруг внимание мальчика привлекала пара: долговязый парень с хвостиком и большим носом и хрупкая девушка с короткой стрижкой. Он настойчиво тянул девушку прочь из толпы, порываясь уйти, но она сопротивлялась и не давала себя увести. Максим не слышал, о чём они говорили, но оба активно жестикулировали. Наконец парень схватил её за локоть и потащил за собой по направлению к Максиму, а она, упиравшись, ударила его по спине.

Максим испугался и спрятался за контейнер, осторожно наблюдая. Девушка, несмотря на агрессию, даже ему понравилась: у неё было красивое лицо, как у женщин в журналах, и его любимый мультяшный герой на майке. Хотелось ей помочь.

– Мэри, пойдём! Пожалуйста! Сейчас фараоны приедут. Всех загребут! Тебе нельзя здесь оставаться. Это опасно! – раздражённо тараторил юноша, волоча за собой подругу.

– Но! Но! Мы не можем предать своих! Это низко! – Лицо девушки полыхало гневом.

– Если тебя вырубят и отправят на программу социализации – пользы от этого никому не будет! Я за тебя отвечаю, и я не за этим сюда тебя привёл!

Максим понял, что не он один заботится о девушке, и чуть сильнее вжался в контейнер.

– Сашка, мать твою! Мы не можем так поступить! – Мэри с тоской оглянулась на бесноватую толпу, но её спутник был настойчивее. Он изменил направление, чтобы обогнуть контейнер и клумбу, при этом сильнее сжимая хватку, чтобы не дать пленнице вырваться. Та всё ещё упиралась и шла медленно, оглядываясь назад. Когда они прошли мимо его укрытия, Максим и девушка встретились взглядом. У неё были добрые светлые глаза. Только сейчас они были наполнены слезами, от чего казались ещё больше и старше.

– Там – ребёнок! – вдруг закричала она, поворачиваясь к другу.

– Не придумывай! – ответил тот, подходя к припаркованному автомобилю и усаживая девушку в него. Мэри ещё что-то говорила, но Максим уже не мог ничего разобрать. Авто взмыло вверх и полетело к транспортной линии. В эту же секунду в небе раздалась противная полицейская сирена, и на площадь вылетело несколько пузатых полицейских фургончиков. Они зависли в воздухе. На мостовую высадился отряд полицейских. Толпа, как капелька ртути, тут же рассыпалась на несколько частей, и все ринулись в разные стороны. Но четверо полицейских одновременно подбросили по маленькой коробочке в воздух, те, перевернувшись, трансформировались в зелёные переливающиеся сети и быстро опустились на группы людей, прижав протестующих к земле. Оставшихся быстро обезвредили с помощью электрических обездвигивающих пуль. Жертвы одна за другой падали ниц. Их тут же подбирали и отправляли в чёрный кузов.

Напуганный Максим вскочил и быстро похромал прочь от площади.

Глава 5

Изображение красного кукиша резко пропало, и Мэри вновь осталась в одиночестве. Сердце отстукивало победный марш, а по спине бегали мурашки. Она не ожидала подобного звонка, хотя в некотором смысле он ей льстил. Два года Мэри участвовала в различных общественных акциях, посвящённых защите прав женщин, транссексуалов, животных и ещё огромного списка обиженных и угнетённых, но ещё никогда эта деятельность не привлекала чужое внимание.

Она уже видела этот символ, принадлежавший объединению Pro-life. Он часто мелькал в государственных репортажах про экстремистов, радикалов и современных «врагов отечества». Именно их лица, прикрытые чёрно-красными банданами и повязками, чаще всего встречались с дубинками и электропулями полицейских, и именно про них с замиранием сердца и полуслёпотом говорили во всех студенческих организациях. Они были героями и настоящим символом свободы и инакомыслия. Ходили слухи, что присоединиться к ним можно только если три действующих члена были готовы поручиться жизнью за тебя, и то нужно было пройти серьёзный отбор и доказать лояльность.

Звонок и приглашение на встречу были огромным, вопиющим кредитом доверия и признанием заслуг. Но также это был настоящий билет в кроличью нору, в которой новичка поджидало множество странных загадочных существ, опасностей и поводов проявить героизм и выдержку, а главное: возможности вернуться оттуда просто не существовало. Вступив в организацию, человек получал столько важной и секретной информации, что просто так отпустить его было нельзя. Мэри собирала все слухи и хорошо была осведомлена об их деятельности, и тем сложнее сделать выбор: идти в Окоп или не идти. Кстати, тоже задачка. Она прекрасно поняла, о каком именно заведении шла речь. В их вузе только одну столовую называли Окоп, а значит, человек, пригласивший её, учился вместе с ней в одном университете. Подумать только: она сдавала экзамены и, возможно, даже общалась с представителем антиправительственной организации! Всё это время за ней следили и даже делали какие-то выводы! Стало не по себе. Мэри в испуге оглянулась назад. В комнате по-прежнему никого не было.

Писать реферат уже совершенно не хотелось. Мысли роились в голове как напуганные пчёлы. Остаток вечера стоило провести в поиске и чтении всей возможной информации о членах и деятельности Pro-life.

Утром Мэри встала на раньше, чем предполагала. Её разбудил нелепый кошмар, который она даже вспомнить не могла. Мэри резко села на кровати и дотронулась до переносицы: глаза мокрые. Мэри быстро приняла душ и прошла на кухню, чтобы приготовить себе завтрак. Достав продукты, она щёлкнула пальцами, и на противоположной стенке возникло объёмное изображение. Бородатый, но лысый ведущий в обтягивающей майке вещал бодрым голосом:

– Сегодня в Верховном суде был зачитан приговор бывшему главному прокурору Сидоренко Алексу. Госслужащий обвинялся в неоднократном превышении полномочий, а также получении многомиллионных взяток в обмен на вынесение мягких приговоров. Громкое дело длилось более трёх лет, были проведены многочисленные экспертизы и заслушаны более сотни свидетельств. Итогом резонансного процесса стал приговор в два года условно без конфискации имущества. Напомним, что Сидоренко Алекс также известен как бывший однокурсник президента...

В этот момент на экране замелькали архивные видеозаписи, и Мэри перестала слушать.

– Опять... Да когда это уже кончится! Сколько воровать-то можно?! – Мэри перевела взгляд на прозрачную стрелочку внизу экрана, канал тут же переключился. Но внимание уже рассеялось, и она ушла глубоко в себя.

Она быстро проглотила завтрак, забежала в ванную, чтобы прополоскать рот, влезла в любимые брюки. Затем, покидав всё в сумку, выскочила из квартиры. В несколько шагов Мэри преодолела лифтовую площадку и нажала кнопку. Почти мгновенно створки раздвинулись.

– О, Маш, привет! – раздался бодрый девчачий голос.

– Привет, Алиса, – мрачно поздоровалась Мэри и попыталась в свою очередь изобразить подобие улыбки. Алиса была их старостой и очень успешной студенткой, выигравшей государственную стипендию и даже именной грант на исследование образа молодого политика в современной модели государственной власти. Кроме того, она была активным волонтером, председателем профкома и длинноногой красавицей. Логично, что Мэри ненавидела её самой желчной и необоснованной ненавистью, на которую только была способна, хотя где-то в глубине души признавала, что хотела бы такую подругу.

– На, держи! – Староста протянула небольшой проспект с какой-то рекламой. – Приходи на круглый стол. Возможно, туда министр образования приедет. Будет очень интересно! – Алиса одарила однокурсницу обезоруживающей улыбкой.

– Спасибо... Я постараюсь, – замялась Мэри, поражаясь обыденности поступившего предложения.

– Ты, кстати, к нам не хочешь дизайнером пойти? Ты же хорошо рисуешь... – Не унималась староста. Но спасительные створки открылись, и Мэри, энергично покачав головой, юркнула в холл.

«Этого ещё не хватало!»

Мэри быстро пересекла просторный холл, вышла на улицу и замерла на остановке. По телу упрямо бегала нервная дрожь. Она то и дело ловила себя на том, что яростно ковыряет заусенцы или кусает губы. В жизни наступал совершенно новый этап, который потребует мужества и героизма.

На площадку перед остановкой опустился автобус. Мэри зашла внутрь и робко села на краешек сиденья. Автобус взмыл вверх и плавно полетел с равномерным жужжанием. Мимо проносились окна зданий и макушки редких деревьев. Она расслабилась и устроилась поудобнее. Скорость всегда её успокаивала и создавала иллюзию движения вперед. Захотелось отпустить переживания и отдаться равномерному покачиванию.

Вскоре Мэри оказалась около серого здания академии. Его печальная громада в любую погоду и время года выглядела одинаково уныло и скучно, устало нависая над городом массивными галереями. Мэри глубоко вздохнула, окинула взглядом альма-матер и двинулась прочь. Нужно было пройти мимо череды гранитных колонн, завернуть в узкую подворотню, обогнуть угол и спуститься вниз. Она точно знала количество шагов, которые нужно было сделать. Триста сорок шесть. Одни из самых сложных триста сорока шести шагов в жизни. Она с трудом могла представить, кто ждал её там внизу за столиком студенческого кафе, но была уверена, что эту встречу не забудет никогда.

Дойдя до входа в подвал, где располагался Окоп, Мэри медленно спустилась по ступенькам и обвела помещение взглядом. Здесь почти никого не было. В углу сидела стайка первокурсниц, обсуждавших предстоящую сессию. У окна бородатый модник играл в видеоигру, а у самого входа группа аспирантов обсуждала витиеватые микросхемы. Никого похожего на члена оппозиционной организации.

Мэри подошла к автомату, купила чашку кофе и села у окна на максимальном удалении от всех присутствующих. На часах было без пяти двенадцать. Оставалось совсем чуть-чуть.

Вдруг за спиной раздался голос:

– Мэри, привет! Как жизнь?! – Напротив неё на стул опустился однокурсник Сашка, высокий худощавый блондин с длинным хвостиком и, как казалось Мэри, глуповатым лицом. Они никогда не общались близко и даже не притеснялись, но при каждой встрече Сашка обязательно радостно приветствовал однокурсницу и искренне интересовался её жизнью.

Столь настойчивое внимание огорчало, и Мэри даже подозревала, что парень испытывал к ней особые чувства. Внутри поднялась волна раздражения.

– Спасибо, хорошо... – сдержанно отозвалась Мэри, всем своим видом демонстрируя, что не готова общаться. Но однокурсник не понял намёк и продолжил:

– А ты здесь чего? Всё учишься? Не надоело? – Он зазорно подмигнул и широко улыбнулся.

– Нет! – уже сквозь зубы продолжила Мэри, обиравшись на то, что собеседник наступил на любимую мозоль. – Я должна встретиться с одним человеком, и он скоро придёт...

– Да-да, понимаю, – закивал Сашка, но остался сидеть на месте, широко улыбаясь. Мэри невольно отметила, что у него приятная добрая улыбка и красивые голубые глаза, но раздражение пересилило.

– Саш, я всё понимаю... – стараясь глубоко дышать, произнесла она, – но ты не мог бы оставить меня одну?! Меня ждёт очень важная встреча!

– А с кем? – не унимался навязчивый поклонник.

– С парнем! – разозлилась Мэри.

– О, я думал, что у тебя его нет... – обиженно надул губы Сашка.

– Теперь есть! Всё, иди отсюда! – Она махнула рукой в направлении выхода.

– Я так не думаю, – улыбнулся Сашка и загадочно откинулся на спинку стула.

– Что это значит вообще?!

– Я уверен, что со мной тебе будет интереснее, чем со своим парнем... – С этими словами он незаметно оттянул ворот футболки, на шее на мгновение мелькнуло изображение красного кукиша.

Мэри нервно сглотнула и огляделась по сторонам.

– Не привлекай внимание! – серьёзным тоном предупредил Сашка.

Она сконфуженно кивнула, делая глубокий глоток кофе. Хотелось провалиться сквозь землю. В такие неловкие ситуации она давно не попадала. Но как такое возможно? Невзрачный забитый однокурсник – оппозиционер?! Кто в трезвом уме мог себе такое представить?!

– Я понимаю твоё удивление, – выдернул её из пелены стыда и смущения Сашка, заговорив покровительственным тоном. Он наклонился вперёд, заглянул в глаза, и в мгновение стал очень серьёзным. – Знаю, что не похож на профессионального гитариста... – Он подмигнул. – Но это так. Я не люблю, кому-то сообщать, что играю в рок-группе. Сама понимаешь: надоедливые поклонницы, повышенное внимание и частые выступления в клубах.

Мэри покраснела, как рак, и зарылась в широкий воротник свитера. В голове крутились одни неприличные слова. Она сдавленно кивнула, и Сашка продолжил:

– Нам сейчас нужна хорошая вокалистка. Я слышал, что у тебя хороший голос и слух. Нам бы как раз это подошло. Но имей в виду, что группа отнимает много времени, да и на учёбе занятие музыкой может сказаться... Ты бы хотела прийти к нам на прослушивание?

Вот он момент истины, которого она столько ждала и так боялась. Мэри от ужаса хотелось отрицательно покачать головой, вскочить, извиниться и убежать, но губы сами выпалили:

– Да, конечно! Я давно мечтаю... поиграть в группе.

– Вот и замечательно. Но помни, что родители, друзья и прочие немзыкальные люди могут быть против твоих постоянных занятий, так что им лучше не говорить.

– Я знаю!

– Вот и славно, – улыбнулся ещё раз Сашка, опять принимая беззаботный вид. – Тогда тебя ждёт прослушивание. Мы будем играть на одной площади, тебе лучше было бы сходить туда тоже. Не волнуйся, я тебе помогу. Ничего сложного. Мы просто должны увидеть, что ты действительно любишь музыку.

– Ага.

– Твой телефон у меня есть. Я тебе позвоню завтра. Будь готова.

– Хорошо...

– Вот и славненько! – Он ещё раз весело подмигнул, подал ей руку, которую Мэри тут же испуганно пожала. – До встречи! – Сашка кивнул в знак прощания, встал и, резко развернувшись, зашагал прочь.

Мэри ещё хотелось что-то сказать ему вслед, но она не смогла придумать, что именно, и осталась сидеть в недоумении.

Глава 6

Юлия Гинзбург стояла на ажурном балкончике на втором этаже и удовлетворённо рассматривала участников симпозиума. На него съехались ведущие специалисты в области биологии человека, чтобы потешить самолюбие, оценить достижения конкурентов и найти источники финансирования. Юлия лично курировала этот проект целый год. Ей пришлось задействовать весь свой дар убеждения и аргументации, чтобы уговорить комитет по развитию выступить генеральным спонсором мероприятия. Закостенелый и медлительный комитет, целиком состоявший из звёздных ветеранов, неохотно соглашался на инновации и предпочитал вкладываться только в проверенные временем и нафталином проекты. К счастью, у большинства из ветеранов появление в кабинете Юлии вызывало горькую тоску по утраченной молодости и былой прыти, так что проект был согласован. И теперь на симпозиуме логотип компании «Фармитекс» не был напечатан разве что на унитазах.

Юлия самозабвенно гордилась собой. К тридцати семи она построила прекрасную карьеру в крупнейшей фармакологической корпорации. Выросла из скромной выпускницы биологического факультета в основного представителя компании на территории Союза и ряда других стран Восточной Европы. По сути Юлия работала тем самым приветливым и заботливым лицом фарминдустрии, которое должно было мелькать во всех СМИ, успокаивать критиков, укладывать на лопатки оппонентов и подбадривать перспективных исследователей. И это – во многом благодаря врождённой интуиции – она делала блестяще. В отличие от многих коллег мисс Гинзбург физически ощущала, что фарминдустрия измеряет время не годами и даже не десятилетиями, а поколениями. Семена, посаженные вчера, давали полноценный урожай только внукам и правнукам. Хотя это никогда не мешало получить доход и от первых всходов.

Юлия облокотилась на перила балкончика и посмотрела вниз. Симпозиум функционировал как часы. Группа из Англии под руководством Эрика Бренгсона, ведущего специалиста по редактированию генома, как раз заняла места на главной сцене. Ключевые инвесторы добрались до VIP-лож. И даже упрямого и непокорного Германа Потапова, миллиардера и эксцентрика, настойчивая девочка-координатор подвела к сцене.

«Надо её запомнить и пригласить на стажировку», – отметила про себя Юлия.

Всё складывалось как нельзя лучше. Юлия мысленно прошла по расписанию. Оставалось дожидаться выступления молекулярщиков, затем подойти к каждому из топ-гостей, попросить обратную связь о мероприятии и пожелать всего самого наилучшего. Затем согласовать текст закрывающей рассылки, отредактировать список тех, кому будут отправлены памятные подарки, и можно будет ехать в офис писать финальный отчёт. Мероприятие прошло на пять с плюсом. Вопрос о годовой премии решился сам собой.

– Юлия Александровна! – Сзади раздался торопливый топот и сбивчивое дыхание Риты. Молодая и неуверенная в себе девушка уже несколько лет работала первой помощницей Юлии, но по-прежнему каждую внештатную ситуацию воспринимала как Конец Света. Юлия уже перестала считать, сколько неврозов и панических атак схлопотала подчинённая за это время, но терпела её за крайнюю исполнительность и ответственность. Стоило Рите умереть на работе, её труп бы восстал из могилы, но закончил годовой отчёт.

– Да, Рит, что случилось? – Юлия обернулась и одарила взволнованную помощницу ироничным взглядом. Рита покраснела и жадно ловила ртом воздух.

– Там доклад... На иммунологической секции. Савельев из МГУ... Критикует наш препарат. И наши исследования.

– Кто его пустил?! Он в чёрном списке! – разозлилась Юлия.

– Фамилию сменил. – У Риты задрожала нижняя губа. – Видимо, ошибка произошла. Я исключала... Честно.

– Ясно. Идём!

Юлия резко сорвалась с места и поспешила вниз. Пролёт лестницы остался позади за несколько секунд. Пройти четыре секции, повернуть направо, налево и вот он – иммунитет. За две минуты она будет на месте.

– С какой темой он появился?!

– «Нейроиммунология: некоторые теоретические и прикладные клинические аспекты».

– А о чём по факту говорит?

– Об этом и говорит. – Рита начала тараторить. – Утверждает, что наш препарат – пустышка. Результаты об его эффективности его главного компонента не воспроизводятся. Кроме того, у него есть побочный эффект.

– Господи, как задолбали они, специалисты хреновы! – проворчала Юлия и ускорила шаг.

Вскоре до неё долетели отдельные реплики доклада. Неуверенный мужской голос в истерическом энтузиазме говорил о «неподтверждённой гипотезе», «миелиновых бляшках» и «снижении когнитивных функций». Юлия замерла на три секунды перед входом на секцию, сделала глубокий вдох и нацепила на лицо приветливую улыбку. Затем завернула за угол и, осторожно протиснувшись между зрителями, оказалась в самом центре аудитории.

По сцене быстро перемещался пожилой седой мужчина с горящим взглядом. Он явно не знал, куда деть руки, поэтому активно ими размахивал, будто отгоняя насекомых. Юлия попыталась вспомнить, встречались ли они ранее, но в голову ничего не приходило. Придётся импровизировать.

«К сожалению, мне не удалось опубликовать результаты своих исследований. Статья не прошла ни одного рецензента. Все отказали по различным причинам. Видимо, кто-то не хочет, чтобы это исследование было обнародовано...».

– Вы уверены, что у вас статистика правильно посчитана? – раздался голос из зала. Аудитория отреагировала тихим смешком. Юлия посмотрела на первый ряд и узнала в говорившем Исмаила Смолова – профессора медицинской академии.

– Да! – ухватился за реакцию взволнованный оратор. – В любом случае необходима дискуссия...

Юлия подала знак одному из волонтеров секции, подзывая к себе. Расторопный юноша тут же подскочил к ней и прикрепил микрофон. Оратор ещё что-то пытался сказать, но Юлия уже не слушала.

– Господин Савельев, добрый вечер!

Учёный замолчал и удивлённо посмотрел в зал.

Юлия убедилась, что публика замолкла в ожидании её слов, и продолжила:

– Возможно, вы пока со мной не знакомы. Я Юлия Гинзбург. Представитель компании «Фармитекс». Я и мои коллеги внимательно выслушали ваш доклад. Он бесспорно представляет огромный интерес для нашей корпорации. Нам очень жаль, что вы не смогли опубликовать данные и получить полноценную оценку своих результатов.

Она сделала театральную паузу.

– Мы готовы вам в этом помочь. Мы готовы дать вам персональный грант, покрывающий ваши исследования данного препарата, а также доступ к нашему лабораторному комплексу в Щербинке. Вы сможете свободно проводить дальнейшие проверки. После выступления к вам подойдёт моя помощница Маргарита и расскажет подробности.

Зрители зааплодировали. До этого растерянный ведущий выскочил на сцену и представил следующего докладчика. Юлия быстро вывела Риту из толпы и прошептала ей на ухо.

– Идёшь к нему. Обещаешь полное годовое финансирование исследования в нашей лаборатории. Благодарить за критику и все прочее. Главная задача – чтобы он взял деньги и согласился.

Рита смотрела на начальницу огромными глазами и растерянно кивала при каждом слове.

– Твоя главная задача – чтобы он взял деньги и согласился. Ясно?

– Да! А потом что?

– А потом отправляешь ему типовый договор с нашими подрядчиками-исследователями.

– Поняла. Но если будет задавать вопросы?

– Отправляете ему первый транш до подписания договора. Остальное – после. В условиях по авторству он сразу не разберётся, а когда подпишет и возьмёт деньги – будет поздно.

Рита комично вытянулась по стойке смирно и энергично закивала.

– Топай, исполняй. Потом отчитаешься.

– Конечно!

Юлия проводила взглядом подчинённую, поприветствовала нескольких знакомых гостей и, довольная, отправилась на балкон. Всё было хорошо. Хотя за несколько лет работы ей порядком надоели подобные непризнанные гении и выскочки. Каждый из них считал, что он не каждый, и у него-то точно получится докопаться до истины и опровергнуть разработки корпорации. Какая наивность и простота! Знали бы они только, что за деньги вливались в сами исследования, затем в получение выгодного для компании результата и в конечном итоге – в работу с научными журналами и редакторами.

Юлию раздражала убеждённость большинства оппонентов в беспринципности фарминдустрии. Якобы фармпроизводители только и делали, что продавали пустышки и откровенный яд. Какой же это бред! Продать эффективное действующее лекарство значительно проще. Не приходится тратить огромные средства на рекламу, маркетинг и работу с врачами. Можно завышать цену и производить тоннами. Это просто как дважды два.

Другой вопрос, что человеческая натура не терпит неудачи и поражения. Мы все любим побеждать. Никто, потративший годы на изучение какого-то вопроса или достижение цели, не готов с лёгкостью отказаться от проделанной работы. Мы очень любим говорить, а главное верить, что всё было не зря. И ради этой веры готовы на многое. Наверное, в этом и был главный секрет успеха Теломеразина, лучшего продукта их компании, ведь он давал бесценную возможность сохранить эту веру ещё на несколько десятков лет. Юлия ещё ни разу не пожалела о приёме препарата, несмотря на любые возможные подобные эффекты. И очень любила использовать этот факт в качестве аргумента в спорах с противниками. К счастью, противопоставить им было нечего.

Глава 7

– Ну, всё... Можно ехать домой, – выдохнул Александр, выходя из кабинета в окружении кольца охраны. – Ещё две встречи и можно будет поспать, – подумал он, двигаясь по узкому коридору к выходу. На одной из развилок к ним присоединилась стройная миловидная женщина в синем деловом костюме – Наталья Коваль, пресс-секретарь президента и знаменитая Кровавая ведьма, как её окрестили журналисты за чёрные длинные волосы и изумрудные глаза, а также за неосторожность в высказываниях о кровавости миграционного режима НАТО.

– Господин президент, – начала она строгим голосом, но поняв, что собеседник её не слушает, слегка ускорила шаг, обогнала и заглянула прямо в глаза. – Господин президент!

– Да, Наташ, что хотела? – вынырнул Александр словно из сна.

– Нам сегодня нужно встретиться и обсудить планы на ближайшие две недели. Вы давно не делали публичные заявления и не давали интервью. Кроме того, не комментировали последние высказывания Ричардса. Люди хотят услышать официальную позицию...

– А что он там ляпнул? – недовольно проворчал он, широко зевая.

– Что Евразийский союз представляет реальную угрозу для безопасности остального мира и всему миру стоит пересмотреть политику в отношении него. Но в ближайшей перспективе всё должно сильно измениться...

– Прямо так? Что это с ним? – нахмурил брови президент.

– Не знаю. Но его заявления вызывают всё больший ажиотаж.

– Согласен, – кивнул он. – Но давай завтра со всем разберёмся. – Он сложил руки в просительном жесте. – Ты же знаешь, как я ненавижу эту ерунду. Все эти интервью, пресс-конференции, заявления. У меня дел по горло, некогда отвечать на глупые вопросы... – Александр скорчил недовольную гримасу.

– Да знаю я, но потом вы жалуетесь на то, что оппозиционные СМИ лучше работают. Как работать в таких условиях? – Она пропустила Александра вперёд.

– Как ты умеешь: хорошо и качественно, – улыбнулся президент, подходя к чёрному авто.

– Ладно, – сдалась Наталья, обиженно надув губы. – Но завтра я у вас в час.

– Хорошо, запишись в расписание, – обессилено отозвался он.

Пресс-секретарь кивнула, резко развернулась на каблуках и зашагала прочь. Александр проводил подчинённую взглядом и сел в автомобиль. Его день начался сегодня слишком рано: уже в пять часов он сидел в самолёте, летящем из Нью-Дели в Новосибирск, затем был трансфер до Белого дома, три совещания и две встречи, а также пара телефонных переговоров. Обычный день рядового президента рядовой страны. На часах было всего четыре часа.

Президентом в общей сложности он был уже тринадцать лет, и за это время несколько раз оказывался в глубокой депрессии, пару раз доводил себя до нервного истощения, три месяца мучился от неврологических параличей, два раза уходил в запой и несколько раз был на грани убийства. Весьма скромный и обыденный набор для демонического образа, созданного журналистами, особенно если не учитывать проблемы жены и отсутствие секса более года. Но об этих подробностях его жизни мало кто знал.

Автомобиль едва дёрнулся и мгновенно поднялся вверх. Двадцать минут блаженного покоя. Что ещё можно пожелать? Иногда оставаясь наедине с самим собой, Александр задавался вопросом: а зачем ему все это надо и не стоит ли покончить со службой и тихо-мирно уйти на покой? Перед глазами время от времени всплывала пасторальная картина тихой размеренной жизни, празднично щекоющей воображение, но потом обязательно прибегал какой-нибудь подчинённый с очередной проблемой и эти мысли уходили на второй план.

Его жизнь с двадцати лет была подчинена жёсткому расписанию, которое с вступлением в должность президента стало нерушимым табу. Оно определяло всё: сорок пять минут в день на

отдых, час на бассейн, час на приёмы пищи и шесть часов на сон. Время утратило линейность и превратилось в огромные игрушечные часы. Их циферблат был разделён на разноцветные секторы, указывающие, что он должен был делать в тот или иной момент времени. Можно было даже не задумываться, достаточно взглянуть на механизм. Его бессердечная точность не оставляла места лени или свободе выбора.

Президент закрыл глаза: они всё чаще болели. «Надо бы вызвать окулиста...» – промелькнуло в голове, хотя полное обследование было запланировано только через три месяца. Самое смешное, что, несмотря на тщательно спланированный график, ни он сам, ни его ближайшее окружение не могли с точностью спланировать и организовать свою деятельность так, чтобы не случилось никаких форс-мажоров, внештатных ситуаций и откровенных накладок. Иногда ему даже казалось, что это просто особенность менталитета и с ней сделать ничего невозможно. Вот у европейцев как-то всё гладенько получается, а у наших – как всегда.

«Тоже интересное противопоставление...» – поймал он себя на мысли, – «наши и европейцы, и это, несмотря на билингвизм, полгода в Гарварде, год в Оксфорде и глубоко сокрытое трепетное отношение к истинно европейским ценностям. Видимо, это противопоставление на генетическом уровне передаётся...»

Он посмотрел вниз на серые ленточки улиц и редкие островки газонов. Вид города пробуждал затаённую тоску по утраченному и давно забытому. Она просыпалась в области груди и постепенно поднималась по горлу, запуская ленивые щупальца в голову, от чего мысли путались, мозг наполнялся слизью и засыпал. За годы работы он не раз сталкивался с таким состоянием и уже неплохо научился его предсказывать.

Александр нахмурился, нажал кнопку на спинке переднего сиденья, где тут же загорелся скрытый экран, и появилось беспристрастное лицо ведущей.

«Сегодня в Интернете состоялась очередная, уже третья по счёту, трансляция казни американских журналистов и членов американского консульства в Саудовской Аравии. Напомним, что радикальная группа исламистов взяла в заложники три десятка работников консульства и находившихся там журналистов и вывезла в неизвестном направлении. Сейчас местонахождение двадцати трёх граждан США остаётся неизвестным, при этом на прошлой неделе в прямом эфире были убиты журналисты Пол Норман и Кассандра Клэр, а сегодня – секретарь консульства Джек Смит и его помощник Алекс Свит. Радикалы требуют немедленной ликвидации военных баз НАТО на территории Ближнего Востока, а также освобождения известного террориста Мухаммед ибн Альдаида, недавно задержанного Интерполом. Члены группировки пообещали ликвидировать в день по одному человеку вплоть до выполнения их условий. Президент США Абрахам Ричарс в настоящий момент проводит экстренное совещание по этому вопросу...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.